

Вопросы теории

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ

Л.Х. Мингазов*

В последние годы проблема эффективности привлекает внимание все большего числа специалистов-международников. Различные ее аспекты рассматриваются в работах зарубежных авторов: В. Бочардта, Э. Бленк-Кнокке, Дж. Бучеза, П. Велласа, Д. Вильдемана, М. Вейтю, Дж.К. де Врий, Хедли Булла, Ш. де Вишера, В. Коплина, Марко Маркова, С. Нортропа, Д. Пруитта, Дж. Стоуна, Х. Месснера, Д. Тускоза, Дж. Триски, Д. Фрея, В. Фридмана, Р. Фишера, Л. Хенкина, А. Шейка, Д. Шиндлера, Д. Шелтона и др. В ряде из них затрагиваются методологические проблемы, в частности отдельные методы и подходы к изучению эффективности. Речь идет об использовании в работах Э. Бленк-Кнокке, В. Бочардта, Д. Фрея, С. Нортропа, П. Тьерра конкретно-социологического, социально-психологического, информационного, аксиологического методов исследования эффективности норм и институтов международного права¹. Научный интерес представляют публикации зарубежных ученых, посвященные исследованию эффективности конкретных международных норм и институтов, в частности изучению эффективности норм гуманитарного права (М. Вейтю), права вооруженных конфликтов (В. Бочардт, Д. Фрей), некоторых соглашений в области разоружения (Рикардо Фрей), и международных институтов².

Давая общую характеристику состояния исследования эффективности международного права, следует отметить, что в работах зарубежных авторов получили разработку отдельные частные аспекты данной проблемы, общая же теория эффективности ими еще не разработана. Имеется определенный прогресс в разработке ими таких существенных элементов проблемы эффективности, как понятие и критерии оценки эффективности международного права, качество (совершенство) норм международного права и их соотношение с

*Доцент, кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1997 г.

национальными интересами, роль принуждения, санкций в механизме реализации международных обязательств. Значительное внимание в работах зарубежных авторов уделяется исследованию факторов, определяющих эффективность международного права, его отдельных институтов и норм. Заслуживают в этой связи упоминания работы швейцарских юристов В. Бочардта и Д. Фрея, посвященные исследованию факторов (переменных), оказывающих воздействие на поведение участников вооруженных конфликтов с точки зрения выполнения ими норм международного гуманитарного права³.

Для иллюстрации приведем несколько примеров из работ зарубежных авторов, относящихся к понятию, критериям, факторам эффективности.

По мнению Х. Булла, для определения эффективности нормы международного права следует установить, имеется ли соответствие между действием государства и предписываемым нормой права поведением. Причем отдельные случаи невыполнения норм права, пишет автор, не свидетельствуют о неэффективности международного права в целом⁴. То, что совершенно ясно свидетельствует о неэффективности международного права, помимо несоответствия между поведением субъекта и нормой права, — это отсутствие признания государством самой целесообразности нормы международного права или ее обязывающего характера. Основными факторами выполнения государствами предписаний международного права, считает автор, являются одобрение государствами целей и ценностей, лежащих в основе соглашения; принуждение со стороны надгосударственных органов и взаимный интерес, существующий независимо от обязательств. При отсутствии указанных условий, пишет автор, юридические обязательства будут неэффективными⁵.

Американский ученый В. Коплин вопросам эффективности международного права уделил внимание в своей работе, посвященной исследованию функций международного права. Когда мы говорим, что правовая система эффективна, пишет автор, мы имеем в виду, что имеется определенный уровень симметрии между действиями членов общества и моделями поведения, установленными правом. Международное право состоит из норм, предписывающих образцы поведения, которые не всегда четкие и определенные. Современное международное право неэффективно во многих отношениях, поскольку между государствами нет общего согласия в отношении большей его эффективности⁶. Автор считает, что любая попытка оценить эффективность международной правовой системы должна основываться на изучении трех факторов: создание и определение обязательных образцов поведения (или источники права); развитие обязывающей основы права; наличие санкционных механизмов, применяемых для пресечения неправомерных действий государств⁷.

Наиболее важным автор считает третий фактор. Однако до сих пор международное сообщество полагается главным образом на самопомощь как средство осуществления международно-правовых санкций. В будущем по мере развития человечества среди факторов соблюдения международного права, считает автор, все большую значимость будут приобретать такие, как всеобщие человеческие ценности, на которые делают упор натуралисты, а также самозаинтересованность государств, на что делают упор позитивисты⁸.

Другой американской автор, В. Фридман, пишет: "Часто внимание концентрируют на фактах нарушения международного права, чем на его соблюдении... Оценивать действительность и реальность международного права необходимо с учетом того, в какой мере государства соблюдают международное право по необходимости, чем по свободному выбору"⁹. Автор перечисляет важнейшие недостатки международного права, делающие его малоэффективным. К ним он относит пробельность в регламентации международных отношений; супрематии суверенных государств в международных отношениях, которой соответствует слабость международного права; отсутствие эффективных механизмов, обеспечивающих прогрессивное изменение международного права вслед за развитием международных отношений¹⁰. Реальность ныне такова: в случае возникновения противоречий между политикой и международным правом последнее не пользуется никакой поддержкой у государств. Говоря о пробельности, В. Фридман отмечает, что международное право не является единой системой права и что лишь некоторые межгосударственные отношения подвергнуты регулированию. Реакция международного права на новые мировые проблемы (например, экологические) является неудовлетворительной, потребности в их правовом регулировании остаются необеспеченными¹¹.

Основной источник слабости международного права заключается, по мнению автора, в отсутствии судебных и административных учреждений, призванных обеспечить авторитетное соблюдение международных обязательств, в частности содержащихся в международных Пактах о правах человека¹². Так, война во Вьетнаме выявила два пробела в международном праве: отсутствие беспристрастного механизма обследования и неэффективность норм, применяемых к конфликтам внутреннего характера. Автор считает, что международное право имеет шанс стать более эффективным. Для этого необходимо установить новый международный порядок, который станет высшим по отношению к государственному правопорядку. В конечном счете истинным объектом международного права является индивид. Уровень соблюдения норм международного права в области регулирования защиты прав человека, по мнению автора, зависит во многом от социальной и политической природы государств—

участников международных актов по правам человека. Отсюда автор делает вывод о том, что более эффективными будут международные соглашения регионального характера, объединяющие государства со сходными социальными и политическими системами¹³.

В международно-правовой литературе высказываются различные точки зрения относительно степени эффективности международного права. Одни авторы (Р. Арон, Ш. Баркун, Ш. де Вишер, П. Корбет, Х. Лаутерпахт, Г. Моргентау, Р. Фолк, Г. Шварценбергер) считают, что международное право вовсе не эффективно или малоэффективно. Согласно такому подходу, реальное состояние международных отношений не соответствует формальным правилам международного права, в международных отношениях господствуют анархия и произвол. Так, Г. Шварценбергер пишет о существовании в современных международных отношениях квазипорядка, под которым он понимает такое фактическое состояние, когда международное сообщество не достигло, как и при Лиге Наций, поставленных целей¹⁴. Р. Фолк откровенно заявляет, что "условием эффективности международных институтов является отречение от любых усилий в осуществлении идеалистического содержания международного права, воплощенного в Уставе ООН"¹⁵.

Другая группа авторов утверждает, что международное право обладает высокой степенью эффективности (Дж. Меррил, А. Рубин, Л. Сон, Р. Фишер, Дж. Фоссетт, Л. Хенкин). Они утверждают, что международное право оказывает большое влияние на процесс осознания государствами национальных интересов, что оно продолжает сохранять свое значение в качестве средства, воздействующего на взаимодействие государств. Их тезис состоит в том, что многие государства, как правило, постоянно соблюдают подавляющее большинство норм международного права¹⁶.

Необходимо отметить еще одну — промежуточную между первой и второй — группу в зарубежной доктрине. Ее представители (Т. Вулсон, К. Перри, У. Коллин, Л. Оппенгейм) считают, что международное право в силу различных причин (например, в силу дезинтегрированности международного сообщества) слабее, чем внутригосударственное право "демократических" государств. Вместе с тем они подтверждают наличие определенного уровня законности и эффективности международного права. "Из-за того, — пишет К. Перри, — что члены международного сообщества довольно многочисленны и довольно сильны по сравнению с членами любого национального общества, примеры нарушения международного права воспринимаются весьма обостренно и внушают мысль, что общий стандарт соблюдения права менее высок, чем он есть в действительности"¹⁷.

Имеется также точка зрения, согласно которой в зависимости от предмета регулирования международное право делится на сильное и

слабое право¹⁸. Оно эффективно при регулировании технических, юридических вопросов в неконфликтных ситуациях и, напротив, неэффективно при регулировании вопросов политического характера в конфликтных условиях, особенно в период войны. Эффективность норм международного права, пишут С. Розен и В. Джоунз, зависит от того, в каком из трех политических уровней они реализуются — на уровне права политической структуры, или прав общества, или права взаимности¹⁹. Когда предмет регулирования не имеет политического характера (право взаимности), то исполнение международных договоров и обычаев предсказуемо. По мере того как предмет регулирования все более политизируется (сначала на уровне “права сообщества”, а затем — “права политической структуры”), решимость государств воздействовать на результаты международных процессов уменьшается, а исполнение международно-правовых норм становится неопределенным²⁰.

В зарубежной международно-правовой литературе много внимания уделяется исследованию так называемого принципа эффективности — проблеме связи права и факта, юридического и фактического. Ему посвящены работы Ш. де Вишера, Ж. Тускоза, Д. Вильдемана, Дж. Бучеза, Моник Шемилье-Жандро, Дж. Верзижля, Ж. Симонидеса, Г. Кельзена и др., в которых анализируются такие вопросы, как формы взаимосвязи права с социальной реальностью (фактическими отношениями), способы разрешения противоречий между ними, функции принципа эффективности и др.

В работах авторов эффективность понимается как выражение отношения между некоторым фактическим состоянием при социальной реальности (фактами, поведением субъектов и т.д.) и нормой права или тем, что считается правом в определенный момент²¹. Это соотношение может быть двоякого рода: с одной стороны, фактические обстоятельства (отношения) могут полностью соответствовать праву в данный конкретный момент. С другой стороны, может быть расхождение между этими двумя элементами. Если первый случай не вызывает проблем, то дело обстоит иначе во втором случае, когда возникает расхождение (напряженность) между правом и фактическими отношениями. Новые фактические отношения вызывают потребность в изменении или отмене устаревших правовых норм или создании новых. Стабильность международных отношений, по мнению авторов, требует, чтобы право и фактическое положение дел не оставались в состоянии напряженности в течение продолжительного времени. Однако в международных отношениях нет центральной власти, наделенной правом устанавливать то, что соответствует или не соответствует праву. В этом, по мнению авторов, заключается источник слабости и неэффективности международного права. Негосударственные правовые системы, писал Х.Л.А. Харт, к которым

относится международное право, неэффективны потому, что они медленно реагируют на новые потребности практики. Они могут функционировать совершенно адекватно в статичных условиях (примером может служить международное право в период с 1815 г. до начала Крымской войны). Но как только нарастает скорость изменений в развитии общества, международное право существенно отстает²². В международных отношениях отсутствуют центральные органы, осуществляющие пересмотр норм права и приведение их в соответствие с изменяющимися условиями. Эти функции, по мнению рассматриваемых авторов, выполняет принцип эффективности, который понимается как необходимая связь между юридическими нормами и социальной реальностью, связь, которая "прогрессивно стремится к идентичности" или к тождеству²³. Эффективность фактической ситуации рассматривается ими как юридическое понятие, принцип, которому должна соответствовать норма международного права. Если из двух государств одно обосновывает свои притязания исходя из факта владения, а другое — исходя из права, пишет Ш. де Вишер, то чаще всего Международный Суд склонен отдавать предпочтение первому²⁴. Характерно также следующее высказывание автора: "Обязательный характер договоров о мире, заключенных под принуждением над побежденными, объясняется не их согласительным происхождением, а эффективностью порядка, который договор о мире в состоянии установить"²⁵.

Существуют различные взгляды на понятие и место принципа эффективности в международном праве. Одни авторы (Г. Кельзен) определяют эффективность как основной принцип международного права, необходимое условие действительности любой правовой системы. Другие авторы (Л. Оппенгейм, Г. Фенвик, М. Эйккерст, Дж. Верзижль) склонны отдать ему более скромное место в международном праве: применение эффективности не должно идти дальше того частного явления, когда специфические условия фактического характера "встроены" в позитивное международное право. Третьи авторы полагают, что концепция эффективности в целом является не полезным (Д. Вильдеман)²⁶, а разрушающим международное право понятием (М.Шемилье-Жандро)²⁷.

Исследователи отмечают ряд функций эффективности: стабилизирующая, созидательная и ревизионная, обеспечения связи и тождества между нормами международного права и социальной действительностью. Эффективность проявляет свою созидательную функцию, содействуя созданию новых правил и юридических ситуаций, пишет Ж. Тускоз. Если два правопритязания находятся в конфликте, то более эффективное из них имеет тенденцию обладать преимуществом²⁸. Значение эффективности, пишет Дж. Бучез, едва ли можно переоценить, потому что она, с одной стороны, обладает

стабилизирующей функцией, а с другой — придает некоторую гибкость действующим нормам. Поддержание и строгое применение системы нормы права без учета изменяющейся действительности приводит к непониманию реального развития. Это ведет к ненужной стабилизации, так как возрастающая напряженность между правом и действительностью неизбежно оборачивается нарушениями права в обществе²⁹.

Бесспорно, проблема взаимосвязи юридических норм с социальной реальностью, фактическими отношениями имеет результатом эффективность действия международного права. Право — это надстроечное явление, практическая значимость которого определяется его соответствием регулируемым им общественным (международным) отношениям. Только та норма права будет действовать, которая отражает реально сложившиеся в обществе отношения. Следовательно, постоянная связь с объектом регулирования является необходимым условием эффективности. Между тем в работах указанных выше авторов не уделяется достаточного внимания этим вопросам. Принцип эффективности (*effectivité*), с одной стороны, и эффективность действия права, его результативность (или, по словам авторов, степень приближения нормы права к социальной цели — *efficacité*) — с другой, рассматриваются ими как два самостоятельных вопроса, с чем нельзя согласиться. Вызывает также возражение стремление авторов расширить толкование принципа эффективности, представить его как всеобщий принцип, регулирующий отношения и противоречия, возникающие между социальной действительностью и международным правом. Это находит свое проявление, в частности, в стремлении придать фактическим отношениям нормоустанавливающую силу, в недооценке роли государственной воли в международном нормотворческом процессе. С этим также нельзя согласиться, поскольку такой подход приводит к размыванию границ между законным и незаконным в международных отношениях. Признание безусловного приоритета фактической ситуации над релятивной целесообразностью правовой ситуации, вытекающей из нормы международного права, служит зачастую оправданием отхода государств от установленных ими же норм международного права под предлогом несоответствия этих норм изменившимся фактическим обстоятельствам³⁰. Поскольку право должно учитывать социальные факты, пишет М. Шемиле-Жандро, целью субъектов права, не желающих соблюдать юридические нормы, станет стремление изменить всеми возможными путями фактическую ситуацию, а затем, добившись этого, ссылаться на неэффективность юридического правила, содержащегося в норме права, и требовать в связи с эффективностью новой ситуации формулирования другой нормы права³¹.

На наш взгляд, ошибочно рассматривать эффективность как общий принцип международного права, в качестве “конститутивного элемента права”. Можно говорить лишь об отдельных предусмотренных международным правом случаях его применения. Это случаи, когда действительное (фактическое) осуществление государственной власти является условием применения определенной группы норм международного права. Так, в международном праве прошлого века действовало правило, закрепленное в Декларации о морской войне 1856 года, согласно которому эффективность морской блокады служила условием ее действительности. Другой пример связан с признанием новых правительств. Международное право не вмешивается во внутреннюю борьбу, вследствие которой в государстве — субъекте международного права приходит к власти новое правительство. Поэтому оно считает представителем государства в международных отношениях то правительство, которое эффективно и самостоятельно осуществляет власть³².

Другой случай применения эффективности связан с разрешением споров между государствами по поводу дипломатической защиты лиц с двойным гражданством. В ряде случаев решения этих споров в судах и арбитражах основывались на принципе эффективного гражданства³³. Считается, что наиболее ярким признаком эффективного гражданства является постоянное или обычное проживание гражданина в государстве, гражданство которого он имеет. Но возможны и другие признаки. Так, ст. 3 Статута Международного Суда ООН предусматривает: “Лицо, которое можно рассматривать, в применении к составу Суда, как гражданина более чем одного государства, считается гражданином того государства, в котором он обычно пользуется своими гражданскими и политическими правами”³⁴. Приведенные примеры показывают, что эффективность отражает характер существующей фактической ситуации, которой придается юридическое значение. Лишь в таком ограниченном смысле должен использоваться термин “принцип эффективности”.

Важно подчеркнуть, что применение “принципа эффективности” должно проводиться в строгих рамках режима международной законности, определяемых современным международным правом, и прежде всего его основными принципами. В старом международном праве, руководствуясь общеправовым принципом *ex injure jus non oritur*, любое государство имело право не признавать ситуации фактических и юридических последствий, наступивших в результате правонарушения. В наши дни встречаются попытки ревизии этого бесспорного положения. Так, П. Корбет утверждает, что “право должно приспособливаться к новым ситуациям”, что “если нарушения международного права признаются большинством, то новая норма заменяет старую”³⁵.

Принцип законности, считал Г. Кельзен, действует только в том случае, когда правопорядок, установленный в соответствии с основной нормой, является эффективным, принцип законности ограничен принципом эффективности³⁶. Эта теоретическая конструкция послужила основой для довольно реакционных выводов, в частности вывода о том, что эффективность легализует нарушения международного права. Государство может законно приобрести территорию в результате неправомерного акта, писал Г. Кельзен, если оно сможет эффективно удержать ее. Принцип *ex injura jus non oritur*, защищаемый многими юристами, по мнению автора, не применяется в международном праве, а если и применяется, то с важными исключениями³⁷.

Такая позиция вызывала обоснованную критику со стороны других ученых. Так, Дж. Верзижль видит ее опасность для международного права в тех случаях, когда ссылаются на принцип эффективности для оправдания бездействия в отношении фактических ситуаций, вызванных неправомерными актами. Законность, считает автор, должна быть поставлена впереди эффективности, а не наоборот³⁸.

В соответствии с современным международным правом посягательство на международный правопорядок не только не создает прав и правовых титулов для правонарушителя, но является основанием для его международно-правовой ответственности. Современное международное право не ограничивается непризнанием последствий правонарушения, но предоставляет любому государству право применять определенную санкцию против нарушителя.

Бесспорно, проблема взаимосвязи и путей разрешения противоречий между юридическим и фактическим является актуальной для международного права, в котором отсутствуют развитые механизмы правотворчества и правореализации, как во внутригосударственном праве. Можно очертить в общем плане пути разрешения противоречий между юридическим и фактическим в международной сфере. На наш взгляд, ими являются: 1) совершенствование каждого компонента данной связи (т.е. и международного права, и системы международных отношений); 2) определение наиболее оптимальных способов их согласования, выявление наиболее эффективных средств их взаимодействия.

Как отмечалось выше, в работах зарубежных ученых уделяется значительное внимание методам исследования эффективности международного права, в частности методу социологического анализа.

Многие авторы (Д. Шиндлер, Ю. Стоун, Э. Бленк-Кнокке, О. Лисицын, Р. Якемчук) связывают с использованием этого метода определенные надежды. Так, Д. Шиндлер считает, что вклад международного права в сохранение всеобщего мира может быть исследо-

ван лишь с помощью социологического метода³⁹. По мнению другого юриста, Ю. Стоуна, необходимо систематическое развитие социологического метода в связи с международным правом, которое трудно переоценить с точки зрения его воздействия на будущее человечества⁴⁰. Значительное внимание социологическим методам анализа международного права уделяется в работе западногерманского юриста Э. Бленк-Кнокке⁴¹. По ее мнению, проблема эффективности касается связи международного права с реальностью и поэтому должна изучаться социологией международного права. Она рассматривает международное право как средство социального преобразования, изменения в мире. Для того чтобы иметь точное представление о возможностях международного права, по ее мнению, необходимо исследовать механизм “мирного изменения” (“placeful change”), возможности применения международного права как средства “социальной инженерии” (“social engineering”), процедуры создания новых норм путем кодификации международного права в рамках международных организаций⁴². Каковы же исходные предпосылки научного анализа эффективности международного права в работах Э. Бленк-Кнокке и других зарубежных юристов-социологов?

Оценка регулирующих возможностей международного права, считает Э. Бленк-Кнокке, во многом зависит от правильного понимания его особенностей и социальной среды, в которой его право действует. Каковы же эти особенности? В отличие от национальной (вертикальной), международное право — горизонтальная (мультицентричная) правовая система. В ней политическая власть локализована в структурных единицах — государствах⁴³. Она характеризуется отсутствием центральных законодательных органов, наличием постоянного взаимодействия (коммуникацией) между государствами и другими признаками. Этим определяются такие черты и свойства международного права, как особая близость к реальности, незначительные возможности влиять на процессы изменения среды, зависимость от этических принципов и т.д.⁴⁴ Что касается международной системы, то она трактуется в терминах “общество” и “сообщество”, которые понимаются как система взаимодействия людей. Различие между этими понятиями проводится исходя из таких критериев, как степень организованности, характер связей между членами сообщества и общества и т.д. По мнению Э. Бленк-Кнокке, современной системе международных отношений более присущи элементы “общества”. Указанные характеристики системы международных отношений, пишет автор, имеют определенное значение для эффективности международного права. Интересы государств имеют решающее значение в международной системе. Это проявляется, в частности, в том, что государства имеют преимущество в отношении легитимации своих индивидуальных интересов перед

интересами международного общества как целого⁴⁵. Вследствие этих и других причин созидательные возможности международного права, пишет автор, оказываются весьма незначительными. Однако следует учитывать степень интеграции, поскольку на различных ступенях интеграции действуют различные факторы, влияющие на эффективность развития международного права⁴⁶.

По мнению автора, поведение государства в международной сфере и его отношение к международному праву, а следовательно, эффективность норм международного права зависят от таких обстоятельств, как распределение власти и характер структуры международной системы, сходство в стиле взаимодействия (т.е. сходство интересов) государств, стабильность внутренней структуры государства и т.д.⁴⁷ Так, неравномерное распределение власти между государствами вызывает дестабилизацию системы (может, например, способствовать совершению актов вмешательства) и благоприятствует нарушениям международного права⁴⁸. Следовательно, для эффективности международного права, по мнению Э. Бленк-Кнокке, требуются определенная симметрия в распределении власти, примерное равенство сторон и т.д.

---

¹ Более подробный анализ информационного и социально-психологического подходов к изучению эффективности международного права дается нами в книге "Методология исследования теоретических проблем международного права" (изд-во Казанского университета, 1986). См. в ней гл. 3: "Эффективность норм международного права и некоторые методы ее исследования".

² *Ricardo Frailé. L'effectivité des normes prohibitive en droit de la guerre et de desarmement. Etude de la question des armes biologiques et chimiques. These. — Vol. 1—2. — Paris, 1981.*

³ *Frei Daniel. Zur Regelung der Gewaltaktivität Kriegsvölkerrechtlicher Normen-ein Überblick; Kleine Studien zur Politischen Wissenschaft. — Bd. 3. — Zürich, 1972; Bussahardt W. Zur Effectivität des Kriegsvölkerrecht, Möglichkeiten Empirischer Forschung; Kleine Studien zur Politischen Wissenschaft. — Bd. 21. — Zürich, 1973.*

⁴ *Bull H. The Anarchical Society; A Study of Order in the World Politics. — N. Y., 1977. — P. 137.*

⁵ *Ibid. — P. 137, 142.*

⁶ *Coplin W.D. The Functions of International Law: An Introduction to the Role of International Law in the Contemporary World. — Chicago, 1990. — P. 24.*

⁷ *Ibid. — P. 7.*

⁸ *Ibid. — P. 19, 20.*

⁹ *Friedmann W. De l'Efficacité des Institutions Internationales. — P., 1970. — P. 26.*

¹⁰ *Ibid. — P. 48, 56.*

- ¹¹ *Ibid.* — P. 56, 141.
- ¹² *Ibid.* — P. 133.
- ¹³ *Ibid.* — P. 12, 136.
- ¹⁴ *Schwarzenberger G.* International law and order. — L., Stewens, 1976. — P. 6, 8.
- ¹⁵ *Falk R.A.* Future Worlds. — N. Y., 1976. — P. 270.
- ¹⁶ *Sohn L.* The Effectiveness of International Law//Essays in International Law. — Fariadabad, 1975. — P. 59.
- ¹⁷ *Parry Cl.* The Functions of Law in the International Community//Manual of Public International Law/Ed. by Sorensen. — N.Y., Sn. Martin's Press, 1968. — P. 4.
- ¹⁸ *Friedmann W.* The Reality of International Law-A Reappraisal//Columbia Journal of Transnational Law. — Vol. 10. — No 1. — P. 51—52.
- ¹⁹ *Stewen R., Walter J.S.* The Logic of International Relations, 2-ed. — Cambridge, Massachusets, Wintrop: Publisher, 1974. — P. 330.
- ²⁰ *Ibid.* — P. 330.
- ²¹ *Bouchez L.J.* The Concept of Effectiveness as Applied to Territorial Sovereignty over Sea-areas, Air Space and Outer Space//Nederlands Tijdschrift voor International Recht. — 1962. — Vol. IX. — Apl. 2/2. — P. 153—154.
- ²² *Barkun M.* International Norms as Facts and Ideals//American Journal of International Law. — 1972. — Vol. 66. — No 4. — P. 43.
- ²³ *Touscos J.* Le principe d'effectivité dans l'ordre international. — P., LGDJ, 1964. — P. 9.
- ²⁴ *Vossher Ch.* Theorie et réalites en droit international public. — P., Pedone, 1970. — P. 326.
- ²⁵ *Ibid.* — P. 320.
- ²⁶ *Wildeman J.* The Philosophical Background of Effectiveness//NILR. — 1977. — Vol. XXIV. — P. 339.
- ²⁷ *Monique Chemillier-Gendreau.* Le role de l'effectivité en droit international//Realite du droit international contemporain (force obligatoire et sujets de droit), Actes des 2 et 3 rencontres de Reims. — P. 79.
- ²⁸ *Touscos J.* Le principe d'effectivité dans l'ordre international. — P., 1964.
- ²⁹ *Bouchez L.J.* The Concept of ... — P. 158.
- ³⁰ Например, Дж. Кунц полагает, что кризис права, к которому относится его несоблюдение, есть высшая стадия нормальной трансформации права. См. *Kunz J.* The Changing Law of Nations//American Journal of International Law. — Vol. 61. — 1957. — P. 18.
- ³¹ *Monique Chemillier-Gendreau.* Op. cit. — P. 83.
- ³² См. *Курс международного права.* — Т. 3. Основные институты международного права. — М., Наука, 1990. — С. 109.
- ³³ Примером применения принципа эффективного гражданства может служить решение Международного Суда ООН по делу Ноттебока. См. *I. C. J. Reports.* — 1953. — P. 32.
- ³⁴ Статут Международного Суда ООН.
- ³⁵ *Corbet P.* Law in Diplomacy. — Princeton, 1959. — P. 79.
- ³⁶ *Kelsen H.* Principles of International Law. — N.Y., 1952. — P. 416.
- ³⁷ *Ibid.* — P. 216.

³⁸ *Verzijl J.H.M.* International Law in Historical Perspective. — Leyden, 1968. — Vol.1. — P. 293ff.

³⁹ *Schindler D.* Contribution a l'etude des facteurs sociologiques et psychologiques du droit international//RCADI-46. — 1933. — P. 237.

⁴⁰ См. *Stone Ju.* Problems Confronting International Law//RCADI-89. — 1956. — P. 138.

⁴¹ *Blenk-Knocke E.* Zu den soziologischen Bedingungen völkerrechtlicher Normenbesorgung. Die Kommunikation von Normen. — Ebelsbach: Verlag Rolfgremer, 1979.

⁴² *Ibid.* — S. 206—212.

⁴³ *Ibid.* — S. 84.

⁴⁴ *Ibid.* — S. 67, 70, 80.

⁴⁵ *Ibid.* — S. 84.

⁴⁶ *Ibid.* — S. 85.

⁴⁷ *Ibid.* — S. 95—102.

⁴⁸ *Ibid.* — S. 100.

г. Казань.

Статья поступила в редакцию в сентябре 1997 года.

В ЗАЩИТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ю.А. Решетов*

Современное международное право является продуктом длительного развития отношений между его субъектами.

В нем можно выделить некоторые принципы, институты и нормы старого международного права, которые, несомненно, имели общедемократическую ценность. Однако создание его основных принципов и норм, имеющих основополагающее значение для поддержания международного правопорядка, пришлось на период после второй мировой войны. Решающее влияние на него оказали победа над фашизмом, крах колониальной системы, образование Организации Объединенных Наций, являющейся ключевым инструментом мира и международной безопасности. Начавшиеся под влиянием перестройки в Советском Союзе процессы скоро приобрели международное измерение, в результате чего принципы и нормы современ-

---

*Доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Исландии. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1993 г.